
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-X

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 90-летию Л. К. Герасимович

St. Petersburg
2013

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель), доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*,
канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, Ph. D. N. S. Yakhontova*

Peer-reviewed by: *Ph. D. M. Petrova, D. S. (Philology) S. Neveleva*

Монголика-Х: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. — 144 с.

Десятый выпуск сборника имеет разделы: «Филология, литературоведение, фольклористика, текстология», «Историография, источниковедение и история науки», «Рецензии и научная жизнь», «Наши переводы». Статьи написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и зарубежными специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The tenth issue of «Mongolica» has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews and Scholaly Life», and «Our translations». The articles are written both by competent and young Russian and foreign scholars in the field of Mongolian studies. The essays of the latest scholarly events, reviews of new books make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern scientific priorities and from the positions of the modern state of Mongolian studies, where historical and cultural problems of Mongolian speaking peoples are very important. They play a significant part in the society and have general historical significance.

The issue should be of interest to Mongolists specialising in philology, history, culture, and Orientalists interested in the history of the Mongolian peoples and Central Asia.

Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*

Корректор — *Т. Г. Бугакова*

Макет подготовлен в издательстве

«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111

e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site:* http://www.pvost.org

Подписано в печать 15.08.2013. Формат 60×90 ¹/₈. Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 усл.-п. л. Заказ №

Первая академическая типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения правообладателей.

ISBN 978-5-85803-467-4

© Издательство «Петербургское Востоковедение», 2013

© Институт восточных рукописей РАН, 2013

© Коллектив авторов, 2013

Содержание

Предисловие. <i>И. В. Кульганек, Л. Г. Скородумова</i>	5
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Л. Г. Скородумова. Модель пространственно-временного континуума в монгольской культуре.	8
О. А. Сапожникова. Структура художественного текста в описании духовного облика монгольского народа (по рассказу С. Эрдэнэ «Камень в сердце»)	16
А. А. Туранская. Монгольский перевод сборника «Сто тысяч песнопений» Миларэпы	21
Д. А. Носов. Кумуляция в сказках монгольских народов: жанровый признак или композиционный прием?	26
А. А. Соловьева. Рассказы о проделках нечистой силы в монгольском фольклоре	33
П. О. Рыкин. К вопросу о принципах китайской транскрипции монгольской лексики в китайско-монгольском словаре «Дада юй/Бэйлу юй» (конец XVI—начало XVII в.)	41
А. И. Чернуха. К вопросу о диахроническом образовании долгих гласных в монгольском языке	49
И. В. Кульганек. Фольклорное воплощение феномена Прихубсугуля — Даян Дэрх.	53
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Е. И. Кычанов. Тангутско-татарская граница в первой четверти XIII в. (по тексту «Новых законов» Ся)	58
К. В. Алексеев. О двух монгольских рукописях жизнеописания Гампопы (1079—1153)	65
Ю. И. Елихина. Монгольские ксилографические доски из коллекции Государственного Эрмитажа	70
А. В. Майоров. Письмо римского папы Иннокентия IV золотоордынскому хану Сартаку (текст, перевод, комментарий)	74
А. Б. Малышев. Для чего была написана золотоордынская «поэма» на бересте, найденная у села Подгорное? (к постановке проблемы)	82
П. Чултэмсүрэн. Краткая история халхаского Цогту-хунтайджи и его потомков	86
Ф. Л. Синицын. Международная деятельность тибетского иерарха Панчен-ламы IX и ее воздействие на положение МНР и Внутренней Монголии (1926—1937)	90
И. В. Кульганек. Рукописное и архивное наследие монгольских народов в России	97
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
К. Н. Яцковская. Читая «Труды о Монголии и для Монголии» А. Д. Симукова	101
Б. Дайриймаа. Конференция, посвященная 100-летию известного алтайского урянхайского исполнителя С. Чойсуреана	109
Ю. И. Дробышев. Новые издания совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции РАН и МАН	110
О. Н. Полянская. Конференция «Монголия в XX веке: от восстановления независимости до международного признания». 1—2 декабря 2011 г., г. Иркутск	113
Т. Г. Басангова. Субурган Джамбо-тайши Тундугова	117
Л. В. Четырова. Монгольский форум в Париже	119
Л. Халоупкова. <i>Болдохонов К. Б.</i> Дорогие мои земляки	120
А. А. Бурыкин. <i>Омакаева Э. У.</i> Типология моделирующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории	122
Т. Д. Скрынникова. <i>В. Л. Успенский.</i> Тибетский буддизм в Пекине	125
И. В. Кульганек. Отчет о Первой Международной конференции «Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора»	128
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Т. Баянсан. Лысое сердце (пер. Л. Скородумовой)	131
С. Эрдэнэ. Камень в сердце (пер. О. Сапожниковой)	133
П. Лувсанцэрэн. Голубой, как вода (пер. О. Сапожниковой)	134
С. Пурэв. Страдания собаки никогда не кончатся (пер. О. Сапожниковой, под ред. Л. Скородумовой)	138
Д. Гармаа. Сундук гецула (Будда) (пер. К. Ким)	140
Summary	141

Contents

Introduction by <i>I. V. Kulganek, L. G. Skorodumova</i>	5
LITERARY STUDIES, FOLKLORE STUDIES, LINGUISTICS	
L. G. Skorodumova. The model of the space-time continuum in the Mongol culture	8
O. A. Sapozhnikova. The spiritual character of the Mongolian people in the story by S. Erdene «A Stone of the Heart» (Structure of a literary text)	16
A. A. Turanskaya. The Mongolian translation of the collection «One Hundred thousand hymns» by Milarepa	21
D. A. Nosov. The structure of the Mongolian folk tales	26
A. A. Solovyeva. Stories about the evil forces in the Mongolian folklore	33
P. O. Rykin. On the Principles of Chinese Transcription of Mongolian Words in the Chinese-Mongolian Dictionary «Da-da yu/Beilu yiyu» (late 16 th —early 17 th centuries)	41
A. I. Chernukha. On diachronic process of formation of long vowels in the Mongolian language.	49
I. V. Kulganek. Folklore embodiment of the Prikhubsugulie's phenomenon — Dayan Derkh	53
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES	
E. I. Kychanov. The Tangut-Tatar border in the first quarter of the XIII century. (the «New laws» of Xia)	58
K. W. Alekseev. About two Mongolian manuscripts of the biography of Gampopa (1079—1153)	65
Yu. I. Yelikhina. Mongolian woodcut boards from the collection of the State Hermitage.	70
A. V. Mayorov. Pope Innocent IV's letter to Sartakh Khan of the Golden Horde (text, translation, notes)	74
A. B. Malyshev. What was the purpose of the Golden Horde «poem» written on birch bark found near the village of Podgornoe? (statement of the problem)	82
P. Chultemsuren. A brief history of Khlalkh Tsogtu-Khuntaydzhi and his disciples	86
F. L. Sinitsyn. International activities of the Tibetan Hierarch Panchen Lama IX and their impact on the situation of Mongolia and Inner Mongolia (1926—1937 years)	90
I. V. Kulganek. Manuscript and archival legacy of mongolian peoples in Russia	97
REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE	
K. N. Yatskovskaya. Reading the «Works of Mongolia and for Mongolia» by A. D. Simukov [The State Museum of Ethnology, Osaka, 2007—2008]	101
B. Dayriymaa. The conference dedicated to the 100 th anniversary of the famous Altai-Uryankhay performer S. Choysuren	109
Yu. I. Drobyshev. The new publications by the Integrated Russian-Mongolian biological expedition of RAS and MAS	110
O. N. Polyanskaya. The conference «Mongolia in the XX century: from the restoration of independence to the international recognition»	113
T. G. Basangova. Suvarga of Jumbo Taishi Tundutov	117
L. V. Chetyrova. Mongolian forum in Paris.	119
L. Khaloupkova. Review of «My Dear Countrymen» by K. B. Boldokhonov (Ulan-Ude, 2012)	120
A. A. Burykin. Review of «The Typology of Model-forming Parts of Sentences in the Kalmyk and Mongolian Languages in Light of the Verbal-actantial Theory» by E. U. Omakaeva. (Ulaanbaatar, 2011)	122
T. D. Skrynnikova. <i>V. L. Uspenskiy.</i> The Tibet Buddhism in Beijing.	125
I. V. Kulganek. Report about the first international conference «Cultural Heritage of mongols: manuscripts and archival collections in St. Petersburg and Ulaanbaatar»	128
OUR TRANSLATIONS	
T. Bayansan. Bald Heart (translated by L. Skorodumova)	131
S. Erdene. Stone Heart (translated by A. Sapozhnikova)	133
P. Luvsantseren. As Blue as Water (translated by A. Sapozhnikova)	134
C. Purev. A Dog's Suffering Never Ends (translated by A. Sapozhnikova; ed. by L. Skorodumova)	138
D. Garma. Getsul's Chest (translated by K. Kim)	140
Summary	141

Т. Баянсан

Лысое сердце

Красиво состарилась эта женщина. Кажется, что в душе у нее чистый ветер, и даже не ветер, а свет живет, так что благоухает все тело с десяти сторон. Бунджма, Бунджма... бормотал я про себя, не ведая, что говорю. Оглянувшись на соседа, нарочно принялся бормотать, напевая мотив известной народной песни: «Дунджмаа, потом Дурийма...» Только в мелодии этой виделся мне ее единственный образ, образ любимой Бунджмы.

Прошло несколько дней. На мое счастье, случай вновь привел с ней встретиться. От радости я потерял дар речи. Глаз не мог от нее отвести. Сердце в сумасшедшем ритме билось где-то отдельно от меня, чувство разрасталось в груди. Радость — слишком слабое слово, чтобы передать, что я чувствовал. Сказать, что я просто радуюсь при встрече с ней, — значит ничего не сказать. Это все равно как если бы заядлый курильщик попросил у прохожего огня, или попросил помочь поднять тяжелую сумку, или просто спросил у совершенно ненужного тебе человека, где такой-то дом находится.

Бунджма, где найти мне слова, чтобы передать то счастье, что я испытываю при встрече с тобой?

Этот день, когда мы встретились спустя двадцать лет, неотделим от тех дней, когда мы были вместе в детстве или старости... Она рассказала мне свою жизнь. Нет, она мне всю себя рассказала. Жизнь в ее рассказе для меня была вся сплошное страдание. Но Бунджма, светлая птица души моей, рассказывала об этой чертовой жизни как-то слишком спокойно, даже, пожалуй, весело. Это пугало меня. Моя Бунджма сумела найти счастье во всем этом ужасе. Я почти ненавидел ее за это и себя винил. Пьяница, чтобы понравиться людям, предложившим ему выпить «последнюю рюмку», говорит: «Я не пью». Бунджма выглядела брошенной, несчастной.

На самом деле несколько дней тому назад я увидел Бунджму во Дворце борьбы. Шел турнир. В тот момент, когда молодой борец, чемпион аймака, готов был положить своего противника, она вскочила со своего места и закричала: «Батбаяр, слышишь, не падай, не ложись, не ложись! Держись!» Все обернулись на нее. Она смутилась, отвернулась. В то время Бунджма уже выглядела оплывшей, распол-

невшей до времени, будто деревенская баба, вся пропахшая рыбой, свиной, чем еще, не знаю. Отвратительно. Но что за дела? Причем здесь русская деревня? Хулма, шулмаа... Не приходится сомневаться в том, что она осталась в моей душе такой же незабываемой и прекрасной. Я тогда сразу же прерывал ее к какому-то Батбаяру. «Пусть бы ехал к себе домой и там боролся», — думал я. Смотрю на себя в зеркало — костлявые руки, ребра можно пересчитать. Хотелось выбросить себя вместе с зеркалом. К несчастью, тот Батбаяр победил в борьбе, и ему досталось счастье, причитавшееся не ему. Он обнимал Бунджму и парил орлом по арене. Казалось, что он нарочно долго затягивает свой торжественный круг почета вокруг флагов. И на меня смотрел так, будто хвастался победой. Я сидел почти рядом с Бунджмой — только руку протяни. Душу охватывала радость. Потом я долго хранил в памяти этот день.

И вот сегодня вновь привелось встретиться. Бог знает, что делает. Какое счастье, что Он не забыл нас соединить.

Мы сели на скамейку с облупившейся краской. Листья на деревьях поблекли. Она продолжала рассказывать свою адову жизнь с таким довольным видом... Малейшая ошибка, и наши взгляды, обращенные в те невозвратные прошлые годы, застывали, но тут же, отталкиваясь друг от друга, разбегались, словно вновь вдребезги разлеталась на куски еле-еле склеенная разбившаяся чашка. Время необратимо. Прошлого не вернешь. Тон Бунджмы, ее красноречивый взгляд давали мне повод встать и молча уйти, но я был не в силах сделать это, продолжал сидеть и терпеливо слушать. Нет, все-таки зачем человеку напяливать на себя фальшивую маску счастья?

Солнце, нежаркое по-осеннему, все же грело, словно давая людям знать «Я здесь». Я взял в руки два засохших листа и пытался соединить их в форме сердца.

— Бунджма, твой муж писатель? Эти писатели приходят в мир людей не для того, чтобы жить, а для того, чтобы их баловали, прославляли. Они даже не думают о том, чтобы те, кто рядом с ними живет, были счастливы. Только бы самим выделиться.

Лишний раз голову не забивают ничем таким. Пьют, употребляют допинг и просиживают за письменным столом целыми днями. Есть у меня один знакомый писатель. Считает себя гением. А до сих пор не вылез из съемной квартиры. Мешка угля нет. Юрта в ледник превратилась. А он сидит и пишет. Хитрые — самим лень, а утверждают, что это их вдохновение посетило, сидят, бумагу марают.

Я абсолютно верил в то, что говорил правду, говорил искренне. Мои слова Бунджма слушала внимательно, кивала головой, но я сомневался в том, что она соглашается. Ну и пусть! И вдруг услышал в ответ:

— Что ты говоришь! Какое тебе дело до моей жизни?

Эти слова обожгли мне уши, это была пощечина. Она смотрела на меня невидящими глазами, словно бы осуждая все живое за то, что они живут сытые, довольные, копошатся вокруг, не подзревая ни о каких несчастьях. Но она не встала и не ушла прочь. Оставалась сидеть на этой скамейке. Неподалеку рос вяз, совершенно голый, без листьев. Душа моя тоже, как это дерево, была обнажена и мерзла на ветру.

Прошло время, мне казалось, что я выбросил из сердца Бунджму. Я вывел ее за железную ограду парка и долго стоял, уставившись в одну точку, совершенно не понимая, почему, за что она так сердится на меня. Что дала мне эта женщина? (Я намеренно хотел отстраниться от нее). Что может дать сейчас, потом? Почему каждый раз, как я ее вижу, меня охватывает такое волнение? По слухам, ее муж был непутевым человеком, на несколько лет старше. Бумагомаратель. Все, что случается с его женой, его соседями и знакомыми, сплетни всякие — все вставляет в свои сочинения. А он что говорит? Мол, я списываю с тебя образы людей среднего и низшего сословия. Благодаря ей у него много свободного времени. «Ты мне даришь темы моих книг», — говорит он ей. Откровенно унижает ее такими словами. А она только рада. Чтобы его прокормить, Бунджма простаивает за прилавком до боли в почках и еще бьет себя в грудь с гордостью: «Посмотрите, это я помогаю ему находить темы произведений...» Она гордится любым поступком, каждым шагом своего дрянного мужа, даже когда он ее оскорбляет, бедная, бедная...

Чем больше я об этом думал, тем сильнее было желание ударить его по сверкающей лысине. На са-

мом деле Бунджма не говорила мне, что он лысый. Но, услышав, что он пожилой, я сразу представил его лысину. И представив, с каким вожделием его голова, похожая на большой медный ковш, ныряет под одеяло к Бунджме, я весь затрясся от ярости.

Скамейка неслышно скрипнула, и я заметил, что Бунджма, которую я «вывел» за ограду парка, только сейчас поднимается со своего места. По ее глазам я понял, что она пожалела о том, что встретилась со мной. Она уходила, ничего больше не говоря. Погрузнев телом, она стала носить обувь на низком каблуке. Она шла быстрым шагом, покачивая бедрами, под маской скромности скрывалась чувственность. Ее энергичная плавная походка исчезла за всем ее скромным тихим образом. Моя любовь, с которой я расстался в слезах двадцать лет тому назад, кое-как открыла калитку и пошагала дальше. Будто сразу забыла обо мне, оставшемся сидеть на этой скамейке. Казалось, она ушла, позабыв здесь полный денег кошелек, и скоро за ним вернется. Что это я тут сижу задумавшись?

Долго я не мог оставаться в таком оцепенении, вскочил и побежал следом за ней. В голове мелькнула странная мысль: «какого цвета у нее нижнее белье», что-то будто мелькнуло перед глазами, словно лист, сорванный ветром, прошуршал над ухом. Я мчался, перепрыгивая через лужи, следом за Бунджмой, успел догнать ее на автобусной остановке, пока она не села в автобус. «Тот, тот... Борец Батбаяр, он кто тебе?» — едва проговорил я, запыхавшись. Проталкиваясь с толпой в автобус, Бунджма щедро одарила меня такой же лучезарной улыбкой, как двадцать лет тому назад:

— Мой сын.

И увез мою любовь этот надменный голосистый ревущий старый автобус, по праву гиганта, набившего в свое чрево кучу людей.

В моей голове не осталось и следа от раздражения против того «лысого».

Я согласен был с тем, что моя любовь состарилась так, что уже нельзя называть ее любовью, это она облысела. Тут уж не поспоришь. Я влился в толпу молодежи. Проходил мимо двух парней, из-за чего ссорились, не знаю, сказал: «Этот прав» — и получил пощечину от его оппонента. И сразу как будто в голове полегчало, легко стало на душе. Ну спасибо...

Перевод Л. Скородумовой

С. Эрдэнэ

Камень в сердце

Доной талантливо умел делать различные поделки из корешков деревьев. На охоте, перелезая через горные перевалы, он, в надежде найти подходящие корешки, ворочал большие камни, не замечая, что портит одежду. Вначале он мастерил ложки и чашки, радуя свою жену. Вскоре из корешков березы, миндаля, можжевельника и лиственницы начал вырезать насекомых и зверей. Фигурки выходили у него смешные и немножко странные. Жене не нравилось его увлечение, часто она была недовольна тем, что муж занят ненужным делом. Однако другие люди удивлялись мастерству Доной. Из березовых корешков сделал он морскую волну и пламя огня, из корней можжевельника вырезал схватку льва и тигра, глупого мужа, бьющего жену, героев древних легенд. Все фигурки были небольшие, величиной с палец.

Доной радовался похвалам и бережно хранил все свои поделки. Он был человеком, для которого источником вдохновения служили вершины гор, ясный солнечный день, горизонт неба.

Однажды Доной, взбираясь на одну гору, нашел корешок интересной формы. Этот корешок напомнил ему человека, который сидит, упираясь руками в колени. В груди у человека было сердце, роль которого выполнял синий камень. Доной принес фигурку

домой, немножко подправил, но получился все тот же грустный человек с камнем вместо сердца. В душе Доной появилось чувство беспокойства. Однако, поскольку Доной нашел такой необычный корешок, созданный самой природой, он отполировал фигурку и поставил на хоймор¹.

Шли дни, человек с каменным сердцем чуть изнашивался, лишился руки, но, попадаясь старику на глаза, не выходил из его мыслей ни днем ни ночью, рождая в душе Доной необъяснимые, тяжелые чувства. Однажды Доной завладела мысль, что и у него мог появиться камень в сердце. Мысль эта не отступала, напомнив о страшной утрате. Доной потерял единственного любимого сына, и это горе изменило его. Он стал бродить по лесу, не поднимая головы, а со временем стал замечать корешки причудливой формы. Новое увлечение служило для Доной успокоением, отвлекало его от тяжелых мыслей.

Однажды в пасмурный день Доной охватила печаль, он схватил фигурку и выбил синий камень из груди человека. На месте камня зияла пустота. Камень куда-то закатился, а человек упал. Доной взял топор, разрубил фигурку без сердца на куски и забросил за семь гор.

Перевод О. Сапожниковой

---

¹ Х о й м о р — почетная сторона юрты.

П. Лувсанцэрэн

Голубой, как вода

Прохладным осенним утром старик Жанцан в тугом, опоясанном дэли¹ вышел из небольшой серой юрты, толкнув вперед войлочную дверь. Разгоряченный от еды и чая, он двигался, словно молодой, уверенно и быстро. Коричневый верблюд, лежащий на привязи неподалеку, удивленно тараща свои выпуклые глаза, смотрел на идущего к нему хозяина.

Вслед за Жанцаном вышел крупный высокий длинноволосый парень без шапки, он нес в руках черную переметную сумку. Чихнув от яркого солнца, он спросил:

— Отец, вы взяли бинокль?

— Нет, нет! — проворчал Жанцан, завязывая шапку и направляясь к верблюду.

Сын опередил Жанцана и ждал его с поводом в руках рядом с верблюдом.

— Так, Чулуун, не оставляй мать одну, не ходи с ружьем! Веди себя как взрослый мужчина! Да, и дай сегодня подшить подол своего дэли!

— Вам, отец, уже давно пора ехать, — сын легонько подтолкнул отца, хотел помочь ему сесть на верблюда.

— Оставь! Я сам могу! Ты меня за ребенка принимаешь? К черту! — ворчал Жанцан, поправляя свою сумку. Как только старик сел на верблюда, тот сразу поднялся на ноги.

Старик вытер слезящиеся глаза, и верблюд зашагал в сторону синееющих гор, на северо-восток. Осенний холодный ветер резко бил в лицо. Жанцан пытался укрыться от его нападков. На морозе у старика замерз кончик носа. На пути Жанцана часто попадались холмы и кочки. В полдень он наконец добрался до долины Босо.

Летом здесь пасутся караваны верблюдов, табуны коней, колышутся травы и цветы. Сейчас степь пустынна, от ветра сгибаются сухие стебельки ковыля, одинокая скала, будто стража, ждет прихода лета.

Верблюд привычно, без понуканий своего немолодого хозяина, следовал по степи, шуря глаза, ветер касался его густой шерсти. Старик вдыхал степной воздух и вспоминал минувшие дни — как было хо-рошо!

Воспоминания о давних временах, когда осенью, по своему обыкновению, караванщики собирались в

дальний путь, будоражили душу Жанцана. Мужчины готовят поводья, веревки, мясо в дорогу, их любимые жены шьют и чинят теплую одежду, родственники, друзья, соседи приносят подарки, дают советы. Чувствуется приближение холодного времени года: лето спешит оставить степные просторы, люди и скот волнуются, снуют туда-сюда, плачут верблюжата. Природа также кажется взволнованной: ночью она все покрывает то прозрачной росой, то белым инеем, ласковый осенний ветер вздыхает над уставшей от летних забот желтоватой степью. Грусть и неожиданное вдохновение завладевают сердцами караванщиков. Для них это особенное время.

Впервые Жанцан, следуя за отцом, отправился вместе с караваном в дальний путь, когда ему было двадцать лет. В то время он был влюблен в красивую розовощекую девушку, младшую дочь Шухэрта, которой восхищались многие парни, сравнивая ее красоту с красотой степных кобылиц. В конце лета, в ночь, когда Жанцан узнал, что отец собирается взять его с собой в долгий путь, он втайне от всех взял одного коня и поспешил к своей возлюбленной.

Вместе с нежным розовым рассветом Жанцан мчался домой так, что трещали камни на горных перевалах под копытами его коня. Но домой Жанцан заходить не стал, побоялся. Вспомнив, что по соседству с его семьей жила одинокая старушка Намба, он пробрался к ней в юрту и лег спать, укрывшись своим тэрликом².

Утром все живое слышало крик отца Жанцана: «Где этот паршивый волчонок?» Он ворвался в дом старушки Намбы. Увидев крепко спящего на хойморе³ сына, отец в бешенстве подбежал к нему, сдернул тэрлик, под которым спал Жанцан, и стал хлестать сына недоуздом прямо по коричневому штанам. Удары были такие сильные, что с уни⁴ старушки Намбы посыпалась пыль.

— Уважаемый Ламжа, что Вы делаете? Прекратите, оставьте беденького мальчика! — причитала Намба, стараясь ухватить его за пояс и оттащить от сына. Но не справившись с Ламжой, старушка выбежала из юрты с криком: «Бог мой, как он разозлился! Будто диким стал!»

² Тэрлик — легкий летний халат без подкладки.

³ Хоймор — почетное место юрты.

⁴ Уни — жерди, из которых строится крыша юрты.

¹ Дэли — национальная одежда монголов.

Когда со двора на крики Намбы пришли несколько любопытных, Жанцан уже надел обувь и стоял перед отцом, не смея сдвинуться с места. Отец его сидел на кровати старушки, засучив рукава, и ругал сына. Остановившая поток ругани, он набивал ноздри табаком. Ламжа дрожал от злости, и табак падал на одежду:

— Когда ты перестанешь сидеть на моей голове? Где-то пропадаешь ночами, а утром, как вор, прячешься по чужим юртам! Ты где этому научился? Посмотри на себя! Как животное! Дрянь! Надень пояс! — кричал Ламжа. Посмотрев на собравшихся в юрте, он прикрикнул и на них: «Убирайтесь отсюда! Это мои дела, вас они не касаются!»

Выйдя во двор, перед тем как прогнать сына, отец сказал: «Ты не будешь сидеть у меня на голове! Хоть ты и сбежал, но до истины я доберусь! Кости тебе переломаю, но будет по-моему! Вот тогда и поступи-пай, как хочешь! Иди отсюда!» — сказав это, Ламжа стал молча смотреть на сына.

Жанцан быстро взял пояс, но отец снова поторопил его, громко крикнув: «Иди!» Перед тем как взять недоуздок, Ламжа добавил: «Сегодня поезжай, скажи ей, что больше не приедешь. Послезавтра, около полудня, ты обязан быть дома! Если не приедешь, то я тебя покалечу!» — отец ушел. После его ухода Жанцан, обрадовавшийся тому, что отец вышел, не достав трубки для курения табака, успокоился, но как только он улыбнулся, в дверях снова появился отец.

— Возьми седло да уздечку, будь достойным человеком! Выглядишь, как нищий! Не позорься! Поезжай! — бросил Ламжа сыну и ушел.

Со своей любимой Жанцан провел два счастливых дня без страхов и волнений, не думая о возвращении и чувствуя себя совершенно свободно. Даггима лежала, прижавшись лицом к нему, на груди Жанцана, настоящего мужчины. Крепко обнимая друг друга, забывали они обо всем на свете, мечтая о прекрасной и бесконечной любви. Темными ночами Даггима, ощущая настоящее счастье, шептала любимому ласковые, нежные слова. Прошли два счастливых дня. Навсегда Жанцан запомнил чувство радости от близости возлюбленной. Румяной и сияющей осталась Даггима в его памяти.

Свой последний день влюбленные провели на пастбище. Жанцан чувствовал и счастье, и боль. В этот день все для него было важным. Неловко обнимая Даггиму, он целовал ее смуглые, румяные, пахнущие морозным ветром щеки. Рядом с ними, выпятив грудь и задрвав высоко голову, стояла белая коза, с длинной, торчащей, как рога оленя, шерстью, будто говоря: «А что вы здесь делаете?»

— Вот любопытная! — крикнула Даггима, бросила в нее камень и вдруг покраснела.

Много лет спустя, каждый раз, когда Жанцан вспоминал тот счастливый день, на его глазах появлялись слезы. Отец, понимая чувства сына, старался утешить его. Суровой зимой во время длинного караванного пути, холодными ночами, когда на небе

сверкали бесчисленные звезды, он рассказывал сыну поучительные истории, давал советы под мерный звон колокольчиков.

«Начиная со времен великих предков, человек стремится к жизни. Караванщики, Жанцан, — это особенные люди. Они не боятся холодных ветров и морозов. Это настоящие мужчины, лучшие из самых стойких людей. Чем крепче мороз, тем теплее караванщику, чем больше шагов делает его верблюд, тем меньше усталости он чувствует, чем звонче звенит колокольчик, тем веселее становится у него на душе. Мужчина, помешанный на женщинах, не может быть караванщиком. Только у караванщика крепкое, как у молодого парня, здоровое тело, чуткий слух, острое, как у лисицы, зрение, тонкий, как у волка, нюх. А если вдруг он заболит в пути, то лизнет дождевой пыли и выздоровеет. Счастье мужчины — безлюдная степь, как говорится. Много лет проводит караванщик в пути, дома ему плохо, неудобно, рвется его душа на степные просторы. Трус и плохой наездник никогда не смогут стать караванщиками», — поучал Ламжа сына.

«Разве можно так легко вылечить душевную боль?» — думал Жанцан, мерно покачиваясь на верблюде и слушая отца. Сердце его ныло от тоски по Даггиме.

«Привези мне шелк, голубой, как вода, и сладостей», — попросила на прощание девушка. Каждый раз, глядя на цвет неба и рек, Жанцан вспоминал ее просьбу. В эти моменты он будто слышал звонкий голосок Даггимы.

Но не суждено им было испытать простое человеческое счастье, положить голову на одну подушку. На обратном пути Жанцан бережно хранил за пазухой купленный для Даггимы шелк, голубой, как вода, мечтая о счастливых днях. Но по возвращении он узнал, что Даггиму отдали невестой в другой дом. Таков закон времени. Как же быть, если мудрая книга ламы не увидела их совместной судьбы? Как страдало, обливаясь слезами, молодое сердце из-за того, что они не могли быть вместе. Но все переживания растворились в потоке времени.

После расставания с Даггимой Жанцан много лет водил караваны по пути своего отца, будил на рассвете жену, сам стал отцом двух непоседливых мальчиков и одной девочки, жизнь которой, к сожалению, быстро оборвалась. Жизнь прожил, как настоящий мужчина.

Жанцан превратился в загорелого седого старика, только на то и способного, чтобы пасти овец да ездить на послушном, смирном коне. Но мысли его оставались светлыми и ясными. Все больше он тосковал по прошлому. Жанцан вспоминал шелк, голубой, как вода, знакомый караванный путь, длину которого он так часто измерял, прохладный степной ветер, озера в чужих краях, высокое звездное небо, закаленных морозом попутчиков, помнил звон колокольчиков, степной черный чай, палатки. Чем больше старился Жанцан, тем сильнее он грустил. Каждый год, осенью, когда открывали караванный путь,

старика было очень тяжело. Но никто не понимал страданий стареющего Жанцана, который сильно переживал из-за того, что вынужден был оставаться дома.

Прежде чем силы окончательно оставят его, старик Жанцан принял решение съездить посмотреть, как уходят в путь караваны.

Опытный верблюд шагал спокойно и неспешно, мерно покачивая на своей спине старика и вытягивая шею для того, чтобы пощипать траву. В центр сомо-на⁵ Жанцан приехал только к вечеру.

Старик спешил к палатки караванщиков, в которой ярко горел огонь. В палатке люди оживленно говорили, смеялись.

Жанцан опустил подол дэли, вытер слезящиеся глаза, откашлялся и вошел внутрь. Четверо мужчин, гревшиеся у огня, пообедали.

Старик был самым уважаемым среди присутствующих, он сел на хоймор, скрестив ноги, обменялся приветствиями с караванщиками.

— Вы один приехали?

— Нет, вдвоем.

— А с кем?

— С моим верным верблюдом.

— Да, наш Жанцан все так же шутит! — улыбались караванщики.

— Конечно, я ведь не умер, только состарился! — произнес в ответ, посмеявшись, довольный Жанцан.

Караванщики принялись за еду. По палатке разносился приятный запах еще дымящегося, только приготовленного мяса, блестели длинные и короткие лезвия ножей. У входа в палатку сидела черная собака с белым пятном, она время от времени открывала пасть и облизывалась, роняя слюни. Караванщики не спеша ели, не прекращая разговора.

— Когда вы возвращаетесь? — спросил старика толстый Лхагва.

— Караван из восточного бага⁶ ушел? — сказал на вопрос Жанцан.

— Кажется, что нет.

— Когда уйдут все караваны, тогда и вернусь.

— Почему?

— Неизвестно, смогу ли я приехать на следующий год. Порадую себя. В юрте находиться тяжело.

— Иначе и быть не может, вы со столькими караванами ходили, с детства в пути. Мы понимаем ваши чувства.

— Я много думал, и сейчас мне кажется, что водить караваны — это настоящая мужская работа, — начал свой рассказ Жанцан и продолжил:

— Пусть и трудная, но прекрасная. В первый раз я поехал с караваном, когда мне было двадцать лет. Тяжело мне пришлось. Рядом со мной ехали бывалые караванщики, которые очень любили шутить.

Как-то ночью говорят мне: «На, Жанцан, держи в зубах травинку!» Удивился, спросил: «Зачем?» Но мне ответили: «Бери в рот и держи в зубах!» Я и стал держать в зубах длинную травинку чия. Увидел, что и уважаемый Баяр поступает так же. Тут караванщики говорят: «Сейчас будет трудный перевал. Каждый должен зажать в зубах чий и читать молитву Белой Таре». Я подумал, что иначе не получится перевал преодолеть. Вот так надо мной подшутили старшие товарищи. Прямо как гоминдановцы⁷. Баяр оказался горе-шутником: из-за того, что держал чий в зубах, отморозил губы.

Караванщики слушали Жанцана, поддерживали пламя огня, шло время, а старик все вспоминал и вспоминал. Может, он что-то сочинял, привирал. Но это было неважно, караванщики с удовольствием слушали истории Жанцана, смеялись его шуткам.

— Сейчас наш бедняга Найдан сильно сдал, в молодости же он был стоящим караванщиком. Быстрый, проворный, удачливый, он не знал усталости. В третью девятку⁸ шапку не опускал на уши. Сильный ветер, а он знай себе едет и бубнит что-то в горбатый, как у орлов, нос. Говорил, что это пение. Найдан любит петь. Только не знает ни одной песни. Ни слов, ни мелодии. Что-то грустное обычно напевал, а сам был очень доволен. Однажды я вел караван вместе с Найданом, корноухим Нацагом, который работал соляным сторожем, да в прошлом году умер, и вместе с моим дядей Тойвом. О мой Бог, какой Нацаг был лентяй! Ничего делать не хотел, даже еды в дорогу не собрал, взял только мешок жареной муки. Однажды ночью Нацаг уткнулся лицом в свой мешок и захрапел. Увидев его, бедный Найдан страшно рассердился: «Спущу штаны и ошпарю его горячим чаем!» Как-то раз ночью, когда он крепко спал, мы действительно стянули с него штаны, правда, Нацаг так и не проснулся. Но вдруг он очнулся, увидел над собой чашку с горячим чаем, дернулся в сторону, схватил чашку, выплеснул кипяток, чашкой и прикрылся. Как мы тогда хохотали! Продолжая над ним шутить, сказали: «А теперь оближи свою чашку!» Нацаг не смутился: «Да она же моя! Отчего не облизать...» Облизал он пиалу до блеска и снова заснул. Хитрый он, нечего сказать. Один раз ехали мы с Нацагом друг за другом. Теплый выдался день. Он ехал впереди меня и, видимо, заснул по пути да упал с верблюда. Я сам дремал и не сразу понял, что произошло. Начал его расспрашивать: «Что с тобой случилось?» Он не ответил, встал и смотрит на меня. Мы все догадались, что с ним произошло: спал и поэтому свалился с верблюда. Но Нацаг оправился, стряхнул пыль и, глядя прямо на меня, промолвил: «Черт! Хотел спешиться, но вдруг упал». Находчивый парень, нечего сказать. Ночью обязательно в середине заползает спать. Если ночью озябнет, за-

⁵ Сомон — административно-территориальная единица Монголии, район.

⁶ Баг — низшая административно-территориальная единица Монголии, отдельное поселение.

⁷ Гоминдановцы — солдаты армии китайских милитаристов, оккупировавшие Монголию в 1919 г.

⁸ В Монголии существует правило девяти девяток: девять самых морозных недель в году, начиная с 21 декабря.

мерзнет, то возьмет покрывало. Утром, бывало, чужие сапоги наденет. Не буду говорить о Нацаге того, чего не было. В общем, неплохой у него характер, невредный. В работе караванщику нужен добрый нрав. Без жизнелюбия не справишься. Когда я был молодым, как вы... — Жанцан все продолжал рассказывать свои истории, караванщики уже поели, всем хотелось спать.

В конце концов товарищи насилу уложили старика спать: «Жанцан, уже поздно. Нам завтра рано вставать». Ночь была холодная. Жанцан укрылся покрывалом, кашлял и кричал всю ночь.

Во сне старик свернулся в маленький комочек, был похож на ребенка. Небо заволочло тучами, пошел сухой снег, среди ночи началась метель, до рассвета ветер рвал и качал палатку, но к утру метель стихла.

Ночью Жанцан проснулся и больше не заснул, как только рассвело, он встал, развел огонь. В палатке стало тепло, пахло аргалом, караванщики крепко спали. Старик ждал, пока проснутся товарищи, еще сильнее разжег огонь, сварил чай и вышел из палатки.

Заложив руки за спину, Жанцан прогуливался, разглядывая приготовленных в путь верблюдов, бродил среди разложенных грузов, некоторые даже примерял на себя, пытался приподнять. Когда караванщики встали, старик так и крутился вокруг поклажи, будто собираясь навьючить на верблюдов завязанные тюки. Старик вернулся к палатке. Солнце было уже высоко, караванщики закончили пить чай, взялись за дело.

— Так, Дугэрсурэн, ты по-быстрому сходи за документами, а я с Лхагвой погрузу тюки.

— Разве для Вас это не слишком тяжелый груз? — запротестовали караванщики, но Жанцан, не обращая внимания на их слова, подвел головного верблюда и опустил его.

Лхагва поднес груз к лежащему верблюду и стал наблюдать за стариком, который, закусив губу, долго примерялся. Потом взвалил на себя груз и закинул его на верблюда. Лхагва быстро поправил груз и пошел за следующим тюком. Не показывая ни слабости, ни усталости, Жанцан так же ловко навьючил еще одного верблюда. Однако третий груз сорвался и придавил старику ногу. Жанцан хотел вытащить ногу, но не смог. Он несколько раз пытался сдвинуть груз, но у него ничего не получалось. Старик покраснел, как ребенок, но в конце концов выдернул ногу, не пытаясь сдвинуть тяжелый груз, и молча,

поправив шапку, ушел, не глядя на Лхагву. Тот же смотрел ему вслед, но старик не обернулся. Жанцан подошел к тому месту, где еще утром была палатка, опустил голову, присел и не двигался. Караванщики говорили между собой:

— Жанцану пришлось время закончить дела.

— Лежал бы дома, а то бродит, сам не зная зачем, как ребенок.

— Как он себя чувствует?

— Ты давай грузи, с ним все хорошо.

Когда караванщики закончили грузить тюки, к ним подошел Жанцан.

— Вы все вещи навьючили на верблюдов? — спросил товарищей старик, сам он принес палатку. Караванщики по-доброму шутили: «Хоть наш Жанцан и устал, но палатку принес. Давайте ее сюда!» Старик отдал палатку и, будто желая всех опередить, начал носить покрывала, подстилки, котелок и прочую утварь. Когда все вещи были собраны, осталась только сумка Жанцана, он навьючил и ее, сел на головного верблюда и караван тронулся. Старик был очень доволен и горд собой. Вместе со всеми караванщиками он доехал до центра сомона, до перевала.

На перевале Жанцан спешился, отвязал свою сумку, в которой он бережно, в маленьком сундучке, хранил один-единственный колокольчик. Этот колокольчик на длинном синем хадаке старик привязал к шее самого последнего верблюда и произнес доброе напутствие товарищам: «Счастливого пути! Пусть дорога принесет вам удачу и благо!»

Караванщики тронулись, а Жанцан остался на перевале. Караванный путь озвучивался мерным звонком колокольчиков и тихим эхом шагов верблюдов. Караванщики то и дело оглядывались назад. Жанцан же смотрел вслед своим товарищам и слушал звон колокольчиков. Чем дальше уходил караван, тем тише раздавалась мелодия, пока совсем не стихла.

Потом Жанцан смотрел на своего старого коричневого верблюда, который уставился на уходящий прочь караван своими выпуклыми черными глазами с мокрыми ресницами. Старик взглянул на горизонт вечного безмолвного неба, голубого, как вода.

Небо непостижимо — нет от него ответа. Жанцан огляделся, глубоко вздохнул. Одиноко стоят накупившиеся, вчера еще темные, а сегодня украшенные белыми шапками горы.

Перевод О. Сапожниковой

С. Пурэв

Страдания собаки никогда не кончаются

Вечером, в полутьме, собаки громко лаяли, набрасываясь на приближающиеся тени. Без остановки отвечая друг другу, собаки подняли невообразимый шум, способный обрушить горы, испуганные телята срывались с привязи. Черный пес с белым пятнышком на груди по имени Балдуугийн Батар (Богатырь Балду) неистово метался на цепи, лаял до хрипоты, заражая окрестных собак. Пес Богатырь так прыгал, что занозил себе лапу.

С раннего детства черная собака с белым пятнышком на груди отличалась смиренным, спокойным характером. Говорят, собаки умные, но как начнут лаять вот так, весь ум куда-то девается.

Черную собаку с белым пятнышком на груди Балду взял в дом щенком, а теперь она не узнает своего хозяина. «Дурная примета», — подумал Балду и швырнул камень, отогнав от себя Богатыря.

«Если собака не узнает своего хозяина, значит, юрта скоро опустеет», — с досадой вспомнил старую поговорку Балду.

— Пошла прочь! Бродячая собака! Еще и на человека бросаешься! Или у нас дома другой хозяин появился? — бросил жене Балду, зайдя в юрту. Он достал из-за пазухи монокль, набитый всякой всячиной распухший бумажник, сложил все кучкой на сундуке.

— Ты же за иностранцами гоняешься, исчезаешь надолго, вот собака тебя и не узнала.

— Конечно, как же! Это ты злишься, что спать одной пришлось. Ничего, не волнуйся дня два-три погрею тебя, — сказал Балду и сел на левой стороне юрты, скрестив ноги.

— Хм, ты что думаешь, мне в жизни только этого не хватает? Хожу тут по горам за скотом, вся измучилась. Это тебе легко — только с элитой дружишь, чужестранцев ублажаешь.

— Эй, эй, Лхамцо, сбавь обороты! Наша элита, как ты говоришь, — не просто так. Я около них много учусь, слушаю разговоры людей, у меня кругозор расширяется в путешествиях по степям. Господин Джордж — добрый человек. Он мне каждый день по двадцать долларов дает. Ты знаешь, эти зеленые тугрики¹ ценятся, их люди покупают. Я тебя однажды в шелк одену, будем в масле кататься —

Балду гордо выпрямился, словно человек, который пришел к жене с подарками, и от души рассмеялся.

Лхамцо сварила мужу жирную лопатку, поставила перед ним, присела рядом, ей понравились слова Балду. Действительно, пока мужа не было дома, что только она не выслушала. Соседи, что живут с ней в этой округе, вдоль реки кочуют, — люди острые на язык. Бывало, кто зайдет к ней, начинает ехидничать, задевать: «Твой Балду скоро будет как банк, все в сомоне к нему свою зарплату понесут на хранение»... «Следующей весной будем занимать у него деньги на мясо».

Балду отделил от лопатки четыре ребра, глаза его блестели, он смачно, с жадностью, ел мясо, только лезвие ножа сверкало у него в руках. Отрезав кусочек, положил на ладонь жене, свысока подмигнув слегка раскосыми глазами.

— Кто к нам приходил? — видно было, что Балду наелся и теперь не прочь поговорить.

— У нас собака на хозяина бросается, кто же к нам сунется? Нас даже начальник бага² стороной обходит, — сказала Лхамцо, а про себя добавила: «Сам бродяга, а еще ревнует».

— Меня наша собака скоро начнет за пятки кусать. Кто это так ее избаловал? — Балду зло прищурился. Боковым зрением заметил мелькнувшую тень. Это Батар подошел к юрте и почти улегся головой на порог. Его глаза были прикрыты влажной пеленой.

— Удивительное дело. Посмотри на эту бродягу — будто человек плачет, — Балду бросил собаке кость. Раньше черный Богатырь с белым пятнышком, стоило только хозяину посмотреть на него, ползал под ногами и ластился к нему, а сейчас морду воротит. Собака, своим обликом и поведением так похожая на человека, все больше раздражала Балду.

— Ну и что, что бродяга? Посмотри на собаку! За что ты ее так не любишь? Когда закончатся ее мучения? Всего жалеешь, постоянно гневаешься, вот она и дичает.

— Хватит, зато тебе без меня нечего бояться, — Балду угодливо подмигнул жене, очищая руки от мясного жира. С молодых лет Балду умел принимать слащавый вид, играя глазами. Лхамцо тоже успокоилась.

¹ Тугрик (*төгрөг*) — денежная единица Монголии.

² Баг — территориально-административная единица Монголии.

— Ты должен думать о том, чтобы правильно стареть, а не ревновать. Если такой сердитый, сиди дома и карауль меня. Да кто на меня позарится? Ну и что такого? Если и найдется такой человек, то я не беспомощная, справлюсь, — Лхамцо прыснула.

— Ой-ой, выступаешь! Ну и черт с тобой! Пожалуйста! — на самом деле Балду было неприятно. «Мне с ней не справиться, больно ветреная», — думал он. Балду представлял жену то с тем, то с этим, такой у него был сварливый характер. «Пусть и так, сейчас не время ее стеречь. Кто отворачивается от денег, которые сами плывут в руки? Где еще найдешь такую легкую работу? Хожу по горам и лесам — солнце, ветер. Получаю зарплату и кладу за пазуху, скоро буду деньги сомона³ выдавать, как банк. Куда тогда Лхамцо денется? Есть ли в Монголии человек, который выплевывает масло, которое кладут ему в рот?» — противоречивые мысли мучили Балду.

— Как ты с людьми находишь общий язык? Ходишь, крутишься перед ними, они-то языка не знают, — подшутила Лхамцо над мужем. «Попала кулаком в цель, я тебе покажу. Не все можно сказать», — закуривая, подумал про себя Балду, мельком взглянув на Батара, в глазах которого отражалось пламя огня. Собака лежала, по-человечески стиснув зубы.

— Что с собакой? У нее будто какой-то дух в глазах... Что-то плохое это все предвещает, — с подозрением заметил Балду.

— А что с ней? Собаки, когда скучают по хозяину, сходят с ума, стареют. Вот и наша тоже. Тебя же не видно, — Лхамцо заступилась за собаку. Балду, расстегивая рубашку, сказал:

— Почеси мне спину, — это было его обыкновенное желание, когда видел Лхамцо. Так коза радуется, увидев горы.

— Некому тебе спину поцарапать? — с насмешкой проговорила Лхамцо.

— Что ж мне — просить малышей господина Джорджа поскрести маленькими ручонками? — радостно расхохотался Балду. Лхамцо боязливо заметила:

— Не хватало еще в тюрьму сесть, эти бизнесмены такие бесцеремонные, всегда чем-то недовольны, — Лхамцо ластилась к мужу.

— Бродим по горам, они могут и за камень схватиться. Вечно сорят деньгами, — Балду снова с подозрением посмотрел на собаку, которая лежала, словно мертвая. «Воет, будто человек плачет», — подумал Балду и снова бросил кость.

— Не порти мне собаку, она уже и так перестала дом стеречь, не отходит от ворот, — сказала Лхамцо. Черная собака не обратила внимания на брошенную ей кость. Лхамцо чесала мужу спину, пока он снимал сапоги.

Через три дня, отправляя мужа, Лхамцо сказала: «Ходи-ходи, как щенок, нализовавшийся молока, но если посмеешь забыть меня, не обижайся!»

Он вернулся [к американцам]... Жорж пропал, как сквозь землю провалился, а вместо него какой-то черный бородатый мужик по имени Кэмпэл хлопнул его по плечу и сказал:

— Все, Балду, ваша хватит, ты карош, [можешь идти].

Балду еще три дня провел дома, не говоря ни слова. Собака не находила себе места, злилась на всех. Казалось, злость уже перестала помещаться в ее шкуре.

Отчаявшийся, растерянный Балду по-прежнему сопровождал господ. Правда, теперь он чувствовал себя так, будто оказался за колючей проволокой. Бородатый Кэмпэл с высокомерным видом шагал поодаль, заложив руки за спину. Балду рассуждал про себя: «Кто такой этот Кэмпэл? Он что, мой хозяин или господин? Этот Джордж — тоже мне господин! Меня собственная собака перестала замечать, а эти Кэмпэлы зазнаются. Конечно, собака все чувствует. Это мои грехи сделали Батара таким. Не только собакам Богатырям, но и людям, настоящим героям-богатырям, суждено испытывать бесконечные страдания... Как понять суть этого мира?» — размышлял Балду, лежа в степи и глядя в небо. «Меня не узнает моя же собака, мучается, места не находит, да и человеку трудно найти клочок земли величиной с ладонь, куда кости можно сложить, но если уж нашел, лежи спокойно», — горько пенял сам себе Балду.

*Перевод О. Сапожниковой
под ред. Л. Скородумовой*

³ С о м о н — территориально-административная единица Монголии.

Д. Гармаа

Сундук гецула¹ (Будда)

Бабушки не было дома. У Туи не было другой работы кроме как присматривать за несколькими телятами, и жарким летним днем она лежала на матрасе, постеленном в расставленной на улице наподобие шатра палатке. Она хотела послушать хорошую музыку, напоминающую ей о том, как она была в Америке, но, во-первых, не было электричества. А во-вторых, у маленького приемника, который она не выпускала из рук, закончилась батарейка. Помада засохла, крем для лица тоже кончился. Не считая бюстгальтера и трусиков, она была нагая. Скучающая девушка вышла из палатки, посмотрела по сторонам — ни души. Туя почти никогда не унывала, на худой конец, у нее всегда находилось нескучное занятие. Она думала, как на летнем стойбище Тосон с несколькими айлами² создать быт по американскому образцу. Поэтому она мечтала о том, как проведет модный показ и научит девушек украшаться местным сырьем: козьими рогами и верблюжьим пометом.

Вообще Туя знала учение Всевышнего и думала, если читать молитвы милостивому Христу, это очень хорошо. Причина этому в том, что девушка, когда была в Америке, много раз ходила в храм и слушала песнопения. Хотя Туя не понимала всего их тонкого смысла, она уяснила, что Владыка Господь Бог есть. Об этом она сказала своей бабушке. «Что еще за Владыка! А разве это не Будда всевидящий и всемилостивый? Хотя я и не выставляю, но в черном сундуке гецула бережно хранятся все вещи для поклонения Будде», — сказала бабушка. Это был вчераш-

ний разговор. Только вспомнив об этом, Туя побежала в бабушкину юрту. Так как никого не было, она самовольно приоткрыла крышку сундука, стоявшего в изголовье правой кровати. Оттуда отдавало резким запахом старых вещей, не видевших много лет солнца и воздуха. Туя раскрыла первый сверток с материей. Достав оттуда покрывало для статуи Будды и что-то вроде накидки, примерила. Затем одну из двух музыкальных тарелок для цама³, решив, что это шапка, надела на голову. Когда достала трубу и подула в нее, раздался звук, похожий на кошачье мяуканье. Вытащив барабанчик с длинной веревкой и колокольчик с интересным знаком на наколочнике, Туя засмеялась и загремела колокольчиком и барабанчиком. Действительно, в сундуке гецула были разные интересные вещи, которые Туя не могла бы увидеть в Америке, поэтому она просидела увлеченно несколько часов.

Бабушка, ходившая в сомонный⁴ центр и пришедшая вместе со своей пожилой знакомой, спешно вошла в юрту, чтобы заварить чай, и чуть не лишилась рассудка. Туи не было видно, зато вместо нее в шапке-тарелке для цама, в юбке из покрывала для Будды, с разукрашенным лицом и губами, держа в руках колокольчик и барабанчик, на хойморе⁵ сидел странный человек. «О мой Будда! Святейший лама вдруг к нам пожаловал?» — сказала пожилая женщина, пришедшая вместе с бабушкой, и пала ниц.

Перевод К. Ким

¹ Г э ц у л — послушник.

² А й л — группа юрт/семей, совершающих совместную кочевку.

³ Ц а м — торжественное религиозное служение, совершаемое ежегодно на открытом воздухе в буддийских монастырях Тибета, Монголии и Забайкалья. Одна из основных буддийских религиозных мистерий.

⁴ С о м о н — территориально-административная единица Монголии.

⁵ Х о й м о р — парадная часть традиционного монгольского жилища, в которой находятся реликвии и предметы ритуала.

Summary

The tenth issue of «Mongolica» is devoted to L. K. Gerasimovich, one of the Russian prominent mongolists. Lyudmila Konstantinovna Gerasimovich is a scholar of Leningrad—St. Petersburg school of Mongolian studies. She worked at the Oriental faculty of the State St. Petersburg University for more than 50 years and has brought up the several generations whole pleiad of specialists studying Mongolia. The issue has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews and Scholaly Life» and «Our Translations». The articles submitted to it are written both by celebrated and young scholars working in the field of the Mongolian studies not only in Russia but in other countries as well. The latest scholarly events and new books reviews make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern academic topics basing on the modern state of Mongolian studies and focusing on historical and cultural problems of the Mongolian speaking peoples. The issue should be of interest to mongolists specializing in philology, history, culture, and those orientalists, who are interested in the history of Central Asia and the Mongolian peoples in particular. The article from the editorial staff is devoted to her. The problems of translation on the Mongolian language (A. A. Turanskaya, K. W. Alekseev), the formation of Mongolian long vowel (A. Chernukha), the analysis of the modern Mongolian prose and characteristics of its the structure (O. A. Sapozhnikova) are presented in the articles. The authors pay attention to new themes in Mongolian study of literature, for example, the theme of evil forces or of folklore plots' transformation in urban environment (A. A. Solovyova). Articles about cumulation as an artistic technique in poetic system of Mongolian folk fairy tales (D. A. Nosov) and about folklore personification of one of the phenomena in Northern Mongolia (I. V. Kulganek) are also included in the chapter «Literature, Folklore, Linguistics». Main spatial signs which are designated as lexical definitions in the world model are described in the article written by L. G. Skorodumova. The article by P. O. Rykin deals with the main principles of Chinese transcriptions of Mongolian words in the Chinese-Mongolian dictionary Dada yu / Beilu yiyu (late 16th—early 17th cen-

tury). The influence of different stages of the phonetic evolution of Chinese on the dictionary's system of transcriptions is also emphasized, such as standard Chinese, Late Ming Guanhua, and Ancient Mandarin. E. I. Kychanov describes the system of the Tangut-Tatar border, the organization of frontier service in the period of Genghis Khan's rule and also the war against Xi Xia State and Czin Qin State. Yu. I. Elikhina, having sorted out and studied the collection of the woodblock boards preserved in the State Hermitage Museum, describes them as containing the Mongolian translations of traditional Buddhist texts. A. B. Malyshev shows an interesting approach to the study of the contents of a «poem» on birch bark found in the Medieval burial from the Golden Horde period. He believes there are encrypted symbols and images of shaman ritual required for the wires seeing the soul off to the afterlife. Christianity in the Golden Hord and other contacts the Mongols had in 13th century is the subject of A. B. Mayorov's article. The Mongolian scholar P. Chultemsuren speaks about the confrontation between Buddhist schools of the early period, Tsogtu-Taidji's role and his achievements being an opponent to «yellow caps» in this confrontation. The part «Historiography and Textology» is concluded with the historiographical article by I. V. Kulganek about Russian archive and manuscript collections of historical and ethnographic materials on the Mongolian peoples. One of the most topical and important parts of the issue is called «Reviews and Scholaly life». Reports about academic Mongolian studies conferences in Russia (O. N. Polyanskaya, T. G. Basangova, I. V. Kulganek), in Mongolia (B. Dariyma) and in Europe (L. V. Chetyrova, L. Haloupkova), reviews of new books in Mongolian Studies (K. N. Yatskovskay, Yu. I. Drobyshev, T. D. Skrynnikova, A. A. Burykin) are published here. The last part presents Russian translations of modern Mongolian authors' prose: T. Bayansan, S. Erdene, P. Luvsantseren, S. Purev, D. Garma. The translations are made by specialists in the Mongolian language. Some stories by S. Erdene, S. Purev and P. Luvsantseren are translated by O. Sapozhnikova. T. Bayansan's story «Bald Heart» is translated by L. Skorodumova and Garma's «Getsul's Chest» — by K. Kim.